

ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ “ЛИБЕРАЛЬНОГО ЭТАТИЗМА” В СОЦИАЛЬНЫХ СРЕДАХ НЕЛИБЕРАЛЬНОГО ТИПА

© 2015 г. Индира Ураловна Аубакирова¹

Аннотация: в статье осмысливается проблема выбора оптимальной модели управления государственно организованным обществом. По мнению автора, для управленческой модели, базирующейся на идеях либеральной политико-правовой доктрины, требуется соответствующая институциональная среда, зрелое гражданское сознание. В России и Казахстане необходимо исходить из нахождения баланса между укорененной этатистской моделью взаимодействия общества и государства и либеральными идеями, закрепленными в конституциях обоих государств, осуществить синтез идеи сильного государства с идеей конституционализма. Автор полагает, что в управлении общественными процессами необходимо опираться на этатизм, избирательно включающий и адаптирующий элементы либеральной стратегии в нелиберальную социальную действительность. В научный дискурс вводится понятие “либеральный этатизм” как перспектива “взаимопроникновения, взаимной поддержки” либеральных идей и этатистского прикладного инструмента их осуществления. Этатизм в своей либеральной модификации становится инструментом социальной и экономической модернизации, создавая условия для постепенного наращивания либерального потенциала общества.

Annotation: the paper interpreted the problem of optimal governance model of state-organized society. On the author's opinion, relevant institutional environment and mature civil society are necessary for the governance on liberal-democratic principles. Russia and Kazakhstan have to find a balance between the rooted etatist model of relations between society and the state and liberal principles enshrined in the constitutions of both countries, to synthesize the idea of a strong state with the idea of constitutionalism. The governing of social processes should be based on etatism and to include selective and adaptive elements of the liberal strategy into illiberal social reality. The author introduces in scientific discourse the concept of “liberal etatism” as the prospect of “interpenetration, mutual support” liberal ideas and etatist empirical tool for its realization. Etatism in liberal modification becomes an instrument of social modernization, creating conditions for a gradual build-up of liberal potential.

Ключевые слова: управленческая модель, управление государственно организованным обществом, либеральный этатизм, политико-правовые институты.

Key words: governance model, governance of state-organized society, liberal etatism, political and legal institutions.

Появление государственно организованного пространства явилось важным шагом в развитии общества, демонстрирующего готовность к рациональному устройству своего бытия. В современных реалиях общности, не способные создать устойчивого института управления государственными делами, рассматриваются как маргинальные.

В научном дискурсе об управлении государственно организованным обществом актуальный характер имеет проблема определения оптимальных границ охватываемых им (управлением) явлений, отношений и процессов. Подходы к ней базируются по сути на двух исходных представлениях о социетальных формах организации. В рамках этатистского воззрения обосновывается главенствующая роль государства в процессах социальной жизнедеятельности, государственно-управленческое воздействие рассматривается как определяющий фактор развития общества. Напротив, либеральный подход исходит из приоритета личностного начала, минимальной роли государства, ограничения его индивидуальными свободами и свободными обменными отношениями. В классическом либеральном учении государственное бытие человека неотъемлемо от его частной автономии, главным условием которой является

неприкосновенная от посягательств государства частная собственность².

Либерализм исторически возник как антитеза этатизму³. Вместе с тем для современной либеральной доктрины

² По мнению Людвиг фон Мизеса, “задача государства, как ее видит либерал, состоит единственно и исключительно в гарантии защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, есть зло. Правительство, которое вместо выполнения этих задач зашло бы так далеко, чтобы, например, посягнуло на персональные гарантии жизни и здоровья, свободы и собственности, было бы, конечно, абсолютно неподходящим. Все же... власть сама по себе есть зло, неважно, кто ее осуществляет” (см.: Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции // Мизес Л. фон. Либерализм. Международное издание. М., 2011. С. 102).

³ В философии права и государства Т. Гоббса идея этатизма обосновывается по следующим позициям: для обеспечения безопасности нужна власть, обладающая правом принуждения. Меч справедливости находится в руках того, кто обладает верховной властью. Меч войны принадлежит ему же, правосудие принадлежит ему же, право законодательства принадлежит ему же, назначение должностных лиц и слуг государства принадлежит ему же. Ему же принадлежит оценка учений. Любой поступок его остается безнаказанным. Ему же граждане предоставили безграничную власть. Он не связан государственными законами. Никто не обладает какой-либо собственностью вопреки воле того, кому принадлежит верховная власть. Верховная власть не может быть по праву отменена согласием тех, соглашением которых она установлена (см.: Гоббс Т. Основы философии. В 3-х ч. Ч. 3. О гражданине // Гоббс Т. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1989. С. 333).

¹ Докторант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук (E-mail: indastana@gmail.com).

характерна рецепция ряда этатистских идей. Выражаясь в терминах М. Вебера, либеральную и этатистскую модели управления (их классические образцы) следует рассматривать как идеальные типы. Сегодня как в западных, так и в незападных политико-правовых практиках используются те или иные сочетания либеральных и этатистских подходов.

Принципы и ценности этатизма присутствуют в различных современных либеральных моделях государственного управления (кейнсианство, государство всеобщего благоденствия), ориентированных на развитие механизмов консолидации общества. Признание свобод в позитивном значении исходит из допустимости ограничения права на частную собственность и правомерности перераспределения как осуществления принципа социальной справедливости. Целесообразность активной воздействующей роли государства обосновывается тезисом, что оно обязано обеспечивать условия для реализации личности своих прав, в том числе права на человеческое достоинство.

По сути, в современном мире ни одна из сфер общественного бытия не свободна от государственно-правового регулирования. Согласно рассуждениям Г. Радбруха “либеральные воззрения на субординационные отношения частного и публичного права выражаются в проникновении частно-правовых представлений о координации в публичное право, которое представляет собой суть правового государства”. Вместе с тем в соответствии с воззрениями, отдающими предпочтение публичному праву перед частным, “частному праву предоставляется... узкое поле деятельности в рамках всеобъемлющего публичного права”, и оно (частное право) применяется “в строгом соответствии с предписанным порядком”. В вопросе соотношения публичного и частного права “*наиндивидуалистическая консервативная*”, этатистски ориентированная позиция в основной своей сути начинает совпадать с “*индивидуально-социальной*”, либерально ориентированной позицией. Однако “в первом случае приоритет государства объясняется подчиненным ему положением индивида. Во втором – защитными функциями государства по отношению к индивиду как более слабому участнику экономических отношений”⁴. С позиций современной либеральной мысли именно государство несет ответственность за реализацию конституционных прав граждан.

При этом, полагаем, основные права и свободы человека необходимо рассматривать системно, в неразрывном единстве. К разделению прав согласно иерархии “поколений” следует подходить с известной долей условности. Право на личную автономию, свободу и право на человеческое достоинство суть единая субстанция. Как верно указывает Ю. Хабермас, либеральные права на свободу служат защите от государственного вмешательства в частную сферу. Однако классические основные права обретают “равную ценность” для всех граждан лишь при интеграции с социальными и культурными правами. Человеческое достоинство обосновывает *неделимость* прав. Политика, утверждающая, что сможет гарантировать гражданам жизнь, достигшую самоопределения благодаря обеспечению приоритета экономической свободы, разрушает равновесие между различными категориями основных прав⁵.

Для современной либеральной мысли отнюдь не чужда тема ограничения индивидуальной свободы. Так, мысль об опасности “тоталитаризма свободы” достаточно определен-

но развивает И. Берлин, по утверждению которого “свободу иногда надо ограничить, чтобы накормить голодных, одеть неодоетых и приютить бездомных, чтобы не посягать на свободу других, чтобы осуществлять справедливость”⁶. Поэтому “индивидуальная свобода даже в самых либеральных обществах – единственный или просто преобладающий критерий социального действия. Пределы свобод человека или народа выбирать жизнь в соответствии со своими устремлениями нужно соизмерять со многими другими ценностями, среди которых, возможно, самыми очевидными будут равенство, справедливость, счастье, безопасность, общественный порядок. По этим соображениям свобода не может быть безграничной”⁷.

Современные внутренние и внешние вызовы, рост глобальных угроз и рисков обуславливают потребность в активном участии государства в управлении делами общества. Автор солидарен с мнением, согласно которому в период складывания либеральной доктрины невозможно было предвидеть, что “в условиях хищнической капиталистической экономики государственное вмешательство станет абсолютной необходимостью, чтобы поддерживать человеческое существование и предотвращать разрушение окружающей среды”, что “социальная защита стала абсолютной необходимостью, призванной сдерживать иррациональное и деструктивное функционирование классического свободного рынка”. Обосновывающий такую позицию Н. Хомский полагает, что В. фон Гумбольдт согласился бы с тем, что в современном мире “государственное вмешательство в общественную жизнь правомочно”, “если свобода может уничтожить те самые условия, без которых не только свобода, но даже само существование немыслимо”⁸.

Возрастание управленческого воздействия государства на процессы общественной жизнедеятельности объясняется в исследовательской литературе также реформаторскими, модернизационными задачами. Так, И. Валлерстайн обращает внимание на изменение позиции либерализма в связи с так называемым рациональным реформизмом. Он считает, что рациональный реформизм теперь является организующим понятием либерализма. Для либералов главное состояло во взвешенном и обдуманном прогрессе на пути к хорошему обществу, достичь которого можно только на пути рационального реформизма. Потребность в рациональном реформизме государства закономерно обуславливает повышение его роли как основного субъекта созидательной деятельности в обществе.

Однако, если процесс усиления государственного воздействия на общество через расширение правовой регламентации сфер жизнедеятельности социума, реализацию дистрибутивной функции, организацию мер по предупреждению и нейтрализации внутренних и внешних угроз, осуществление реформ – процесс объективный, то вопрос заключается не в попытках его элиминации, а в поиске более совершенных форм.

Полагаем, что при выборе управленческих моделей должно учитываться институциональное многообразие, обеспечивающее равновесные состояния различного типа. Опираясь на исторический опыт и многовековую практику управления государством образующим обществом, можно утверждать, что различия не являются временным отклонением от единообразия, но выражают естественное стремле-

⁶ Берлин И. Стремление к идеалу // Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2001. С. 18.

⁷ Берлин И. Два понимания свободы // Там же. С. 179–182.

⁸ Хомский Н. Государство будущего. М., 2012. С. 11, 20–26.

⁴ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 142, 143.

⁵ См.: Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М., 2013. С. 20, 21.

ние политических организмов к диверсификации. При этом рассмотрение взаимосвязанного набора институциональных механизмов (в том числе политико-правовых) в качестве системы позволяет заметить многообразие возможных наборов, результатом чего становится образование тех или иных синтетических моделей. Отсюда следует, что возможность теоретического синтеза различных моделей управления в рамках конкретной политической системы не исключается, но вполне может быть реализована в условиях развития посттрадиционного общества. В этом смысле концепция социального государства являет собой в определенном смысле синтез либеральных и социально-демократических идей (прежде всего речь идет о дистрибутивной функции, идее социальной справедливости).

Следует подчеркнуть, что выработка синтетических моделей особенно характерна для *переходных эпох*, когда в ситуации повышенного социально-политического разнообразия осуществляется выбор возможных стратегий дальнейшего развития. Не случайно поэтому, что формирование похожих моделей государственно-политического управления уже наблюдалось в российском обществе на сломе XIX–XX вв. В той или иной модификации такое сближение характеризует идеи В.С. Соловьева, П.Н. Милокова, В.П. Боткина, К.Д. Кавелина, П.Б. Струве, Б.Н. Чичерина, И.А. Ильина и др.

Так, согласно логике И.А. Ильина государство как “многоголовый (или совокупный) субъект права” может быть “корпорацией” или “учреждением”. Государство-корпорация «организуется снизу вверх, на свободно признанной солидарности заинтересованных и *начинается с индивидуума*: с его мнения, изволения, решения; с его “свободы” и “интереса”. Государство-учреждение организуется сверху, “народ в нем не управляет собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинуется”. Государство всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения. В сфере управления необходимо считать прежде всего с наличным в данной стране и в данную эпоху уровнем народного правосознания, определяя по нему то жизненное сочетание из учреждения и корпорации, которое будет наилучшим при данных условиях жизни⁹. По следам рассуждений И.А. Ильина напрашивается вывод о необходимости выбора такой управленческой модели, которая содержит оптимальный набор этатистских (“учрежденных”) и либеральных (“самоуправленческих”) принципов для данного конкретно-исторического периода развития общества.

Управление государственно организованным обществом нельзя рассматривать изолированно от деятельности других социальных и экономических институтов, содержание которых оказывает непосредственное влияние на природу его функционирования. М. Вебер обращает внимание на то, что теория и практика либерализма потерпели неудачу в царской России прежде всего из-за недостатка социальной и институциональной поддержки его идей и ценностей. Однако именно общество со своей историей, традициями, интересами и институтами создает “легитимность социального воспроизводства государства”¹⁰. Опыт государственного строительства и управления перестроенной и постперестроенной эпохи продемонстрировал всю тяжесть последствий проведения радикальных либеральных реформ в условиях отсутствия соответствующей институциональной среды.

Следует признать обоснованность тезиса, согласно которому «не существует единых для всех времен и народов образцов свободы личности, правового строя, конституционного государства – должно быть реальное “наполнение” этих понятий самостоятельно у каждого народа в свое время»¹¹. Незападные общества, в том числе российское и казахстанское, имеют свой, отличный от западного этос, свои политические традиции. В классическом евразийстве обосновывается тезис, что экономический индивидуализм никогда не имел выдающихся защитников в России, так же как здесь не были популярны и широко распространены индивидуалистические учения о естественных правах человека и гражданина. Для психологии русского человека характерно было скорее воззрение, согласно которому личность неразрывно связана с обществом и находит оправдание только в отпавлении некоторой социальной миссии, в “общем деле”¹². В современной казахстанской юридической литературе отмечается, что коллективные права имеют в евразийском обществе определяющее значение для индивидуальных прав. Так, к примеру, “для полиэтнического евразийского общества Казахстана крайне важна гарантированность его коллективного права на межэтническое, межнациональное согласие и мир, обеспечение гармонии межнациональных отношений. Именно это коллективное право является залогом соблюдения индивидуальных прав человека в многонациональном государстве”¹³.

Вся предшествующая история управления государственными делами в евразийском пространстве свидетельствует об успешном воспроизводстве этатистских практик и слабой “укорененности” идеологии и практики индивидуальной свободы. Само понятие свободы имеет здесь иное, отличное от политического смысловое наполнение: “Русскому духу присуща духовная *свобода*, внутренняя ширь, осознание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем ее в себе – и все ее дары, и все ее опасности: ...тягу к беззаконию, беззаконию, произволу и замешательству”¹⁴.

В отличие от внутренней свободы, политическая свобода предполагает гораздо большую зрелость. Она “по силам только тому, кто или завершил свое освобождение, или кто находится в процессе внутренней борьбы за него, понимая его драгоценность, обязательность и ответственность. Человек и народ, чуждые этому сознанию и не вовлеченные в этот внутренний процесс, извратят свою политическую свободу, а может быть, погубят и себя вместе с нею. Если признать это, то будет уже нетрудно устранить из сознания вреднейший парадокс, утверждающий необходимость и полезность безграничной свободы (крайний либерализм, анархизм)”. Первое условие политической свободы есть “способность к самодисциплине и лояльности”¹⁵.

Переход к новым институциональным формам требует эмансипации социума, зрелого правосознания, широкого распространения в обществе ценностей так называемой культуры свободы, культуры предпринимательской актив-

¹¹ Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015. С. 189.

¹² Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки евразийской культуры // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 146.

¹³ Бусурманов Ж.Д. Евразийский союз в контексте прав человека: взгляд из будущего на интеграционный проект // Государственное управление и государственная служба. 2013. № 3. С. 32.

¹⁴ Ильин И.А. О России. Три речи 1926–1933 // Ильин И.А. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 6. Ч. 2. М., 1996. С. 8–10.

¹⁵ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. В 10-ти т. Т. 1. М., 1993. С. 106–108.

⁹ См.: Ильин И.А. Что есть государство – корпорация или учреждение? // О грядущей России. М., 1993. С. 22–26.

¹⁰ См. подробнее: Seabrooke L. Bring in legitimacy back in to neo-Weberian state theory and international relations. Canberra, 2002. P. 8, 9, 19.

ности и частной инициативы. Именно *критерий гражданской зрелости* должен ставиться во главу угла при выборе конкретной модели управления государственными делами. При этом гражданская зрелость должна быть присуща прежде всего самой политической элите. Такой подход созвучен воззрениям М. Вебера, который определяет политическую зрелость в вопросе лидерства как способность поставить долгосрочные экономические и политические интересы нации выше всех других¹⁶.

В условиях традиционной для евразийской политической культуры этатистской модели взаимодействия государства и общества, наличия в правовом сознании патернализма управление делами государства, базирующееся на принципах либеральной демократии, воспринимается сегодня либо как идеальный прототип, к которому следует стремиться, либо как абсолютно противоположный тип государственно-политического взаимодействия, которого всеми силами следует избегать. Полагаем, в поиске эффективной модели управления необходимо исходить из сохранения разумного баланса между исторически сложившимся типом взаимодействия государства и общества и либеральными ценностями, декларированными в российской и казахстанской конституциях, между идеей сильного государства и идеей либерального конституционализма. Следует присоединиться к мнению, высказанному в юридической литературе, что либеральная модель имеет свои преимущества, но приходится признать очевидный тезис, что на ближайшие десятилетия данная модель не может быть осуществлена в России¹⁷.

М. Вебер в поисках ответа на вопрос, почему на Востоке не развился рациональный капитализм, приходит к выводу о значении религиозно-духовных оснований, роли «основополагающих свойств „умонастроения“», под которыми он понимает «практическое отношение к миру и представления о его саморазвертывании», что «наряду с другими обстоятельствами сильно препятствовало этому развитию»¹⁸. Вместе с тем следует принять во внимание то обстоятельство, что успешная экономическая модернизация в государствах с нелиберальными социальными средами демонстрирует иные успешные модели управления, не соответствующие западной модели переходного к капиталистической экономике процесса. Главным двигателем экономического роста на Востоке (Япония, Тайвань, Турция, Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия и др.) является государство, что доказывает наличие иных путей модернизации, имеющих «неиндивидуалистическую ее версию», нелиберальную¹⁹. Экономический успех в этих странах осуществился благодаря «патримониально-государственному» капитализму, но не религиозным институтам²⁰, не пуританским ценностям.

При этом коллективистское сознание стало (и есть) в них, по сути, не препятствием экономическому развитию, а конкурентным преимуществом.

По С. Хантингтону, «когда-то Вебер и другие утверждали, что в странах с конфуцианскими культурами не произойдет успешного капиталистического развития. Однако в 1980-е гг. новое поколение ученых видело в конфуцианстве главную причину впечатляющего экономического роста в восточно-азиатских обществах... Культуры эволюционируют, и важнейшей причиной перемен в культуре, вероятно, является... само экономическое развитие»²¹.

В современной западной юридической литературе высказывается предположение (на наш взгляд, небезосновательное), что если институциональные и экономические реформы в Китае продолжатся, то он может стать одним из государств с большинством среднего класса. В этом случае правовая (конституционная) и политическая (авторитарная) системы перестанут функционировать слаженно, приходя в противоречие. Или, напротив, если реформы прекратятся, то возможно движение вспять, и Китай станет failed state, который лишь был многообещающей страной. Однако в случае продолжения инвестиций в человеческий капитал, усиления институтов, успешного преодоления негативных последствий рыночной экономики Китай может повторить успех стран восточноазиатской модели, конституционное его развитие продолжится, гражданские и политические свободы будут медленно, но устойчиво расти (хотя, делают оговорку юристы, будут ограничиваться, когда права станут угрожать социальной и политической стабильности). С точки зрения ученых, конституционализм может приобретать много разных форм, в том числе и те, которые допускают нелиберальные, коммунитарные или коллективистские подходы к проблемам прав человека²².

Учитывая вышеизложенное, а также то понимание, что либерализм в современных нелиберальных средах России и Казахстана представляет собой по сути скорее теоретическую абстракцию, но отнюдь не сущее, полагаем оправданным в обозначении государственно управленческих моделей в России и Казахстане использовать категорию «либерально-ориентированный (либеральный) этатизм». Такая синтетическая модель государственного управления позволяет создать системное единство двух концепций, «включив» либеральные принципы в этатистскую модель (но не наоборот). Использование понятия «либеральный этатизм» дает возможность раскрыть ориентирующий потенциал либерализма, выявить вектор происходящих трансформаций. В этом смысле «либеральный этатизм» не контрадикция, не оксюморон, а констатация содержательного компромисса, достигнутого между этатистскими и либеральными установками в конкретных социально-исторических условиях, сопряжение разных понятий в единую синтетическую субстанцию.

Полагаем, управление государственно организованным обществом должно осуществляться таким образом, чтобы относительное общее благо и абсолютное общее благо (т.е. благо реальное и представления о данном благе, сложившиеся в данный исторический момент) двигались навстречу друг другу, сущее соизмерялось с должным, стремилось к сопряжению с ним. Либеральный этатизм, не снимая вопроса о должном, абстрактном, рациональном, опирается на реальное, эмпирическое. Такое понимание позволяет показать,

¹⁶ Jaspers K. Leonardo, Descartes, Max Weber (Routledge Revivals): Three Essays. Routledge, 2013. P. 198. К. Ясперс указывает на необходимость воспитывать «чувство национальной политики в лидерах», поэтому, пишет он, детальная разработка идеи Вебера является важнейшей задачей (см.: там же. С. 202).

¹⁷ См.: Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013. С. 218.

¹⁸ См.: Вебер М. Конфуцианство и пуританизм // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 5. С. 62.

¹⁹ Интересно отметить, что Д.С. Милль, внесший существенный вклад в обоснование идеи индивидуальной свободы, считал, что китайский народ «остановился в своем развитии» и «впал в неподвижность» по причине того, что в нем «перестала существовать индивидуальность» (Милль Д.С. О свободе // Антология западно-европейской классической мысли. М., 1995. С. 350, 351).

²⁰ См.: Кустарев А. Капитализм в XXI веке: минус протестантская этика плюс конфуцианство // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 5. С. 31.

²¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 331, 332.

²² См.: Building Constitutionalism in China / Ed. by S. Balme and M.W. Dowdle. Granite Hill Publishers. 2009. P. 95.

что в определенном историческом контексте либерализм и этатизм не конкурируют и не отрицают друг друга, а сосуществуют на принципах взаимодополняемости, комплементарности.

Либеральный этатизм в государственном строительстве и управлении выступает двояко. С одной стороны, как потенциальная возможность социальных трансформаций, с другой – как реальная практика государственно-политического развития, что способствует отходу от традиционных оценочных стереотипов в отношении допустимости/недопустимости вмешательства государства в жизнь общества, легитимируя сферу государственного регулирования в интересах стабильного и устойчивого развития общества.

Отметим, что либеральному этатизму содержательно близка идея либерального консерватизма. Обе идеи основаны на идеале либерального устройства государства как компромиссном варианте социального сотрудничества, в рамках которого органично связываются интересы личности, гражданского общества и государства. Обе исключают радикальные подходы и ориентируются на политическую умеренность. Наконец, обе предполагают постепенное движение к либеральным ценностям. Полагаем, и либеральный консерватизм, и либеральный этатизм следует рассматривать как стратегию реального формирования наиболее благоприятных условий для общественного развития. Они обе основаны на идее синтеза как онтологического равновесия в социуме коллективного и индивидуального, “мы” и “я”, традиции и новации.

Идея либерального консерватизма была чрезвычайно распространена в дореволюционном политическом и научном дискурсах. Обращение к термину “консервативный” предполагало относительную либерализацию общественных институтов при сохранении монархической власти в условиях высокой степени религиозности в преобладавшей тогда крестьянской среде с ее доминирующими традиционными, иррациональными установками. Однако понятие “консерватизм” вобрало в себя сложные, неоднозначные смысловые отсылки, описывающие и институты “кочевой демократии” (применительно к Казахстану), и управленческий опыт имперского, советского и постсоветского периодов, содержательные аспекты которого часто воспринимаются как взаимоисключающие. В правовых культурах разных народов объективно не существует единого понятия “консерватизм”. Само понятие появилось в XIX в. как реакция на кардинальные трансформации эпохи модерна, в то время как задача видится в поиске модели управления государственными делами, которая эффективна именно для осуществления задачи модернизации.

Б.Н. Чичерин предложил свою теоретическую конструкцию – “охранительный либерализм”. Сущность ее усматривалась мыслителем в “примирении начала свободы с началами власти и закона”²³. Он справедливо обращал внимание на то, что русские либералы начала XX в. пытались соединить либеральные идеи преимущественно с национальными, а не с сугубо европейскими политико-правовыми традициями. Самого Б.Н. Чичерина можно смело причислить к “либеральным этатистам”: придерживаясь либеральных воззрений, он последовательно обосновывал “этатистский подход” к будущему России. В основе данного подхода, как отмечается в современной юридической литературе, “лежали следующие постулаты: 1) понимание государства как движущей

силы русской истории; 2) обоснование его ведущей роли в судьбах России ее географическими и природными условиями; 3) противопоставление истории России истории других народов, прежде всего Западной Европы”²⁴. Вместе с тем, полагаем, использование в качестве базового, ключевого термина “либерализм” приобретает несколько рафинированный характер в нелиберальных обществах России и Казахстана.

Модель либерального этатизма примиряет либерализм с российской и казахстанской нелиберальной социальной действительностью, подчеркивая ведущую роль государства в общественном развитии, процессе модернизации, которое, вместе с тем, опираясь на идею конституционализма, обязано руководствоваться в своей деятельности либеральными ценностями и принципами, постепенно расширяя пространство свободы. В данном случае уместно вспомнить, что согласно рассуждениям признанного этатиста Г. Гегеля государство “есть нравственное целое, осуществление свободы, и абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была”²⁵.

Поэтому считаем, что с позиции определения наиболее эффективного подхода к управлению государствообразующим обществом глубокий смысл имеет перспектива тесной взаимосвязи идеи либерального конституционализма и “этатистского инструментария” его осуществления. Либеральные ценности, формально закрепленные в российской и казахстанской конституциях, сохраняют свое значение в качестве критерия “человекосообразности” государственного управления, сужая поле действия государственных институтов и ставя пределы их всевластию. В этом плане позитивная особенность либерального этатизма, связанная с представлениями о реальных функциях государства в быстро меняющемся социуме, – установка на последовательное и целенаправленное усиление государства *на основе примата права*. Либерально-этатистская модель не отвергает концепцию правового государства, идею разделения властей, демократии и иных неотъемлемых атрибутов современной политико-правовой доктрины, но опирается и ориентируется на них, “вбирает” в себя. Этатизм, по сути, становится источником постепенной либерализации политико-правовой системы России и Казахстана, действуя в соответствии с законом.

Либерально-этатистская модель опирается на идеи обеспечения социальной справедливости, экономической модернизации, институционально сильной власти, политической и социальной стабильности. В ней не абсолютизируются права индивида либо государства, а предполагается сопряжение прав и обязанностей, взаимная ответственность. В таком подходе усматривается аналогия с воззрениями евразийцев о синтезе прав и обязанностей – правообязанностей, с идеей о гарантийном государстве, которое противопоставляется государству либеральному. Гарантийное государство “не разделяет предубеждений либерализма, считающего, что свобода в государстве возможна без организации экономической и социальной”. Не отрицая “негативной” свободы человека, оно ставит своей целью создание условий, “при которых свобода не была бы использована в целях чисто отрицательных”. В нем осуществляются социально-политическая программа, организация производства необходимых благ и установление системы распределения для удовлетворения основных потребностей граждан. Свое юридическое выражение идея гарантийности находит в конституции, основой

²³ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Просвещенный консерватизм. М., 2012. С. 38.

²⁴ История политических и правовых учений. Учеб. В 3-х ч. Ч. III / Под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2012. С. 204.

²⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 283, 284.

которой является *Декларация обязанностей государства*, закрепляющая “требования, которые общественное мнение данной эпохи предъявляет к государству и которые государственная власть обязуется проводить в жизнь”²⁶.

В контексте либерально-этатистской управленческой модели государство выступает как *гарант* создания социально-экономических условий, необходимых для постепенного расширения социальной базы государственности либерального типа, наращивания либерального потенциала государственных институтов и построения конституционного государства. По сути, этатизм следует рассматривать как эффективный инструмент модернизации государственно-организованного общества, при котором он вначале способствует развитию экономического и социального либерализма и на базе этого создает предпосылки и для политической либерализации (яркие примеры такой трансформации – Япония, Южная Корея). При этом продвижение ценностей и принципов либерализма, самоуправленческих начал в условиях России и Казахстана должно носить эволюционный характер, учитывая всю совокупность эмпирических обстоя-

тельств, а также культурно обусловленную потребность в дееспособном и сильном государстве, патерналистские установки в правовом менталитете. Использование модернизационного потенциала модели либерального этатизма должно иметь ограничение: интеграцию зарубежного политико-правового опыта в управленческой сфере в государственно-политические контексты России и Казахстана необходимо осуществлять строго избирательно.

Итак, модель либерального этатизма соответствует современным вызовам: она прямо подчеркивает ведущую силу государства в процессах современной модернизации и постепенном продвижении обществ к либеральным ценностям благодаря опоре на мощь государственных институтов при их тесном сопряжении с культурно-историческим опытом социума. Она имеет *ориентирующий* смысл при конструировании государственно-управленческих стратегий в России и Казахстане и задает необходимый вектор эффективного развития института управления обществом через ориентацию на всемерную поддержку процессов его саморегуляции и самоорганизации посредством целенаправленного культивирования в нем идей свободы и ответственности за свободу, путем создания соответствующих институциональных предпосылок, “подталкивания” процесса формирования общественного запроса на либеральные идеалы.

²⁶ См.: Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 372–377, 381.